

Практики материнства и ухода за младенцем в севернорусской деревне

Татьяна Леонидовна Кукса

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»:
Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая:
Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

Рец. на кн.: Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики: В 2 т. Т. 1: Исследования. Т. 2: Фрагменты интервью / Сост. Л. В. Голубева, С. О. Куприянова; Ст., коммент., подгот. текстов Л. В. Голубевой, С. О. Куприяновой; Под общ. ред. С. Б. Адоньевой. — СПб.: Пропповский центр, 2022. — 320 с., 896 с.

Дата поступления: 28 ноября 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Кукса Т. Л. Практики материнства и ухода за младенцем в севернорусской деревне. Рец. на кн.: Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики: В 2 т. Т. 1: Исследования. Т. 2: Фрагменты интервью / Сост. Л. В. Голубева, Л. В. Куприянова; Ст., коммент., подгот. текстов Л. В. Голубевой, С. О. Куприяновой; Под общ. ред. С. Б. Адоньевой. — СПб.: Пропповский центр, 2022. — 320 с., 896 с. // Традиционная культура. 2023. Т. 23. № 3. С. 177–183.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.3.015>

В 2022 г. Пропповский центр выпустил в свет двухтомник «Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики». Книга посвящена советским ритуальным и повседневным практикам беременности, родов, материнства и ухода за младенцем, которые были распространены в крестьянских семьях Русского Севера. Исследование основано на архивных данных и глубинных полевых интервью, собранных Л. В. Голубевой и С. О. Куприяновой в период с 2003 г. в Архангельской и Вологодской областях у трех поколений сельских женщин, рожденных с конца XIX в. по 1970 г.¹ В первом томе содержится авторский анализ советских практик и дискурса, объединенных в четыре тематических блока: 1) родиль-

ные места, обряды и помощники; 2) послеродовые ритуалы включения новорожденного в семью, род и социум, в том числе через крещение, имянаречение и повседневное размещение в жилище; 3) телесная и магическая забота о младенце; 4) кризисные ситуации болезни и утраты, ритуальные пространства и адресаты. Во втором — представлены фрагменты полевых интервью, сгруппированные по четырем темам, проанализированным в первом томе. Издание также содержит поименные благодарности собеседникам собирателей — жителям севернорусских деревень, фотографии, список собирателей, исторические справки об административной принадлежности исследованных регионов, карты-схемы,

¹ 1917–1930 гг. рождения и их матери, 1930–1960, 1960–1970.

список сокращений и словарь диалектных и малоупотребительных слов.

Как в полноценном путеводителе по эпохам, в рецензируемом издании раскрывается значение ушедших в прошлое общинных и советских институтов, бытовых и религиозных практик, традиционных ритуалов и магических текстов, связанных с рождением, воспитанием и утратой ребенка. Как утверждают авторы, их следы и отголоски мы можем обнаружить в наших современных городских условиях прежде всего при выполнении самых привычных действий по уходу за ребенком. Сопоставимость некоторых родильных и материнских практик заботы, их телесная укорененность и устойчивость позволила исследовательницам, опираясь на концептуализации М. Мосса, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля и М. де Серто в отношении «техник тела» и «фоновых знаний», выявить преемственность передаваемых через поколения телесных привычек и в некоторых случаях предположить причины их отличий от современных (с. 6–7). После неожиданной ситуации, когда пожилая женщина продемонстрировала пеленание младенца не на горизонтальной поверхности стола или дивана, а на вытянутых ногах, усевшись при этом на пол (с. 7, 104), исследовательницы акцентировали свое внимание на телесных практиках заботы и просили собеседниц продемонстрировать их исполнение. Полученный материал позволил, в частности, уловить различия в телесном опыте крестьянской и городской женщины, которые не ухватывались в беседе, и проследить преемственность и в некоторых случаях неизменность позы, приговоров и приемов городских матерей как минимум при купании, пеленании, убаюкивании ребенка и напевании колыбельных (с. 10, 105, 107, 144, 147, 170). Опираясь на собственные полевые наблюдения и фотоархив, авторы отмечают также, что, несмотря на смену технологии качания, пожилые собеседницы одинаково

укутывали тканью и баюкали младенцев в зыбке и в коляске (с. 118). В беседах было обнаружено, что традиционные приемы немедицилизованного ускорения потуг знакомы современным акушеркам и некоторые из них применяются (с. 27) (см. также: [Белюсова 1999]). С помощью интервьюирования удалось выявить не только сходства с сегодняшними реалиями, но и отличия. Например, сельские собеседницы, преимущественно рожденные до войны, связывали начало родов не со схватками, как это принято у современных женщин, а с потугами² (с. 8, 57–60). Они также не считали нужным приложить младенца к груди сразу после родов (с. 69–70), как это следует из популярной ныне доктрины «золотого часа» [Кукса 2022].

Несмотря на усиленную медикализацию материнства, изменение бытовой повседневности и дискурсов за прошедшее столетие, часть ритуальных, вербальных и особенно телесных взаимодействий женщин и детей, проанализированных авторами рецензируемого издания, сохранилась до наших дней благодаря тому, что передавалась посредством нерелективного подражания и обучения у ответственных за мать и ребенка старших родственниц, основных носителей традиционных знаний и семейной власти³. Это подтверждает и ряд исследований крестьянских и городских родильных обрядов и нарративов, подробнее см.: [Белюсова 1999, 2003; Rouhier-Willoughby 2003, 2008; Адоньева, Олсон-Остерман 2016].

Существенным достоинством данного исследования является повышенное внимание авторов к разговорам, связанным с физиологическими фертильными процессами, когда сельские жители переходят из повседневного регистра языка в ритуальный и используют, чтобы не сглазить ситуацию, эвфемизмы, иносказание и метафоры (с. 49–62). В двухтомнике отмечено, что в целом традиционный телесный словарь роженицы предельно

² Причина авторами не названа, но из контекста и иных глав можно понять, что, вероятно, в силу эвфемистичности лексики, сигнализирующей о схватках, и до появления фельдшерской помощи в деревне.

³ Сегодня на роль авторитетов претендуют обладающие разнообразными компетенциями многолетние (преимущественно) перинатальные специалисты, которые активно собирают и используют одновременно традиционные и биомедицинские знания для оказания персональной, эмоциональной, информационной и физической помощи женщинам в течение беременности, родов и послеродового периода [Кукса 2020, 2022].

метафоричен. Он меняется к середине XX в., когда происходит повсеместная медиализация родов и материнства, а вместо свекровей и повитух приглашаются на помощь фельдшеры и врачи-акушеры. Однако обычай замалчивания некоторых этапов родов, например начала схваток, частично сохраняется у сельских рожениц при попадании в роддом даже в поздний советский период и настоящее время (с. 61–62) (об этом см. также: [Rouhier-Willoughby 2003]).

Большой интерес представляет обращение авторов к жанру традиционных советов-запретов (запут), которые наряду с мифологическими рассказами и толкованиями сновидений, с их точки зрения, необходимы большухам для управления и регуляции поведения своих снох (молодух), а также для проговаривания необъяснимых ситуаций и успокоения (с. 28–32, 68). Наблюдения за бытованием современных страшилок и советов на тему беременности и родов также показывают, что, с одной стороны, адресанты таких историй конкурируют друг с другом за авторитетное место в иерархии, а с другой — самыми уязвимыми реципиентами медицинских, медийных, дружеских и семейных историй о страшном становятся первородящие беременные женщины⁴ [Кукса 2020, 2022].

Не менее важно исследование нормирования речевого и невербального поведения матери. В традиционном обществе считалось, что родительское проклятие является опасным, потому что материнское слово обладает самой большой силой, которую надо уметь регулировать в отношении любых (эмоциональных, (не)вербальных, публичных) форм оценки ребенка — похвалы, проклятий, благословения (с. 149–152). В первом томе издания приводится подробный анализ разговорной, обетной и колыбельной коммуникации и языка (с. 152–170, 170–184,

187–200), а также упоминается «сюсюкающий» языковой регистр (*child-oriented speech*⁵), в котором до сих пор старшие женщины и матери, приговаривая магические формулы, общаются с младенцами при уходе, лечении, купании, пеленании (с. 106–107, 153–170).

Невозможно переоценить вклад авторов рецензируемой книги в освещение деликатных тем, табуированных советскими женщинами. Через цитаты из собранных полевых интервью показана межпоколенная разница и особенности говорения о нелегальных и разрешенных абортах, внебрачных связях и детях, способах контрацепции, менструации (с. 53, 62–68).

Развивая мысль Маргарет Мид о коллективном воспитании и социализации ребенка в традиционных условиях, авторы двухтомника с разной степенью подробности рассматривают функции широкого круга лиц, которые помогают женщине на каждом этапе, начиная от беременности, родов и заканчивая ритуальными и повседневными взаимодействиями, необходимыми в том числе для приобщения младенца в семью, род и общину. У женщин первого и второго поколений забота о ребенке распределялась между всеми членами отцовской семьи, старшими и младшими (примерно до 1970-х гг.).

Медиализация и перемещение деторождения под власть и ответственность медицинских учреждений исключили участие советских мужчин в процессе⁶, однако исследовательницы обнаружили в материалах Тенишевского архива и в собственных интервью (у первого и второго поколений женщин) упоминания об обязательном присутствии мужа как минимум в начале родов — для приглашения свекрови, повитухи или фельдшера и в конце родов — для приема младенца под отцовскую заботу и, следовательно,

⁴ Они проговаривают свои фобии в женском и семейном кругу, находят подходящие (под свои ожидания) информационные ресурсы и обучаются у перинатальных специалистов, имеющих материнский стаж и благополучный опыт преодоления и нейтрализации негативных советов и запугиваний.

⁵ Доктор филологических наук Максим Кронгауз оперирует понятиями *baby-talk* и *child-oriented speech*, анализируя особый регистр разговора матерей, как в онлайн-, так и в офлайн-формате.

⁶ Только с 2012 г. мужу или иному члену семьи законодательно гарантируется возможность без взимания платы участвовать в родах на территории медицинского учреждения при выполнении ряда требований [Кукса 2022].

в семью (с. 36–39). Мужья не просто имитировали родовые муки для ритуальных целей (кувада) [Христофорова 2010], а сопереживали страданиям жены и оказывали помощь в родах⁷.

Для первого и второго поколений собеседниц значимой фигурой, помогающей на всех этапах беременности и родов, была свекровь (наряду с повитухой и потом фельдшером). Она же принимала активное участие во всех действиях, связанных с представлением (водворением) новорожденного сакральным адресатам (силам-хозяевам), купанием, укладыванием спать, кормлением, лечением, обрядом перепекания, пронимальными и обетными ритуалами (с. 23–36, 76, 78–79, 99, 160–165, 187–200, 225). До появления детских учреждений с ребенком нянчились (водились), кроме свекрови и свекра, в первую очередь старшие дети, а также был известен традиционный найм няньки (пестуны) — девочки или бабушки, которые за отдельную плату и еду помогали заботиться о ребенке в рабочие часы матери (с. 108–111). Благодаря социальной политике Н. С. Хрущева и возможности переезда в отдельное жилище, по мнению авторов двухтомника, у женщин появился выбор между подчинением отцовскому роду и свекрови или независимостью от семейной иерархии (с. 119). В период повсеместного использования яслей и детских садов, а также отселения молодых семей женщины освобождались от опеки старших, равно как и бабушки — от обязанности нянчить внуков.

Если до революции обряд крещения и имянаречения организовывался сразу после родов (во избежание епитимии) и совершался на большей части исследуемых территорий преимущественно священником для внесения записи в церковно-приходскую метрическую книгу (с. 82, 80–96), то в советское время, чтобы избежать общественной огласки и увольнения с работы, практиковалось тайное и домашнее таинство, когда, со слов второго поколения информантов, приглашался знающий авторитет, например набожная бабушка или монашка, а родители имели возможность выбирать

имя самостоятельно (с. 80–98). Поскольку обязательным участником крещения была крестная мать (божатка) из близкого круга, ритуал, по мнению исследовательниц, приводил к расширению семьи и служил одним из способов образования новых родственных связей, аналогичных близкородственным, поскольку крестные родители, кроме принятия младенца на руки после омовения и обмена подарками на праздники, отвечали за духовное и телесное благополучие своих подопечных, могли стать опекунами (в дореволюционный период), а также были действующими лицами свадебных обрядов, несущими значимые расходы (с. 82–86, 91–96).

Несомненной ценностью рецензируемого издания является насыщенное описание бытовых условий проживания деревенских семей и предметов материального мира, включенных в родильные и материнские практики. Респонденты упоминали несколько вариантов локусов, в которых в зависимости от исторического периода, времени года и конкретной ситуации происходили роды — печь, баня, хлев, поле, кровать в фельдшерском пункте или районной больнице (с. 14–16, 26, 40–43). Размещение младенца после родов на пороге или печи, под лавкой или на лавке, в полотухе или люльке (с. 66, 70–76, 98), либо укачивание ребенка в зыбке, коволяшке, кроватке, коляске (с. 117–118), либо купание (распаривание, растирание, разглаживание) в баньке, печке, корыте, шайке или ванночке (с. 16–17, 126–136) также зависело от многих факторов и имело обстоятельно раскрытые в книге смыслы и причины. Заметки о развитии земской медицины, история распространения фельдшерской помощи (с. 19–22) и появления детских учреждений на территории Архангельской и Вологодской областей (с. 111–115), а также описание трансформации городских и сельских гигиенических и банных практик в дореволюционную и советскую эпоху (с. 119–125) позволяют понять исторический контекст и систему ограничений, в которых сельские семьи рожали и растили детей.

⁷ В наше время современные «беременные пары» также активно интересуются партнерскими родами и приемами совместного физического и эмоционального проживания процесса рождения ребенка [ПМА 2017–2022; Кукса 2020, 2022].

Предметы материального мира имели в крестьянской жизни одновременно и утилитарное, и бережное значение. Л. В. Голубева и С. О. Куприянова приводят запоминающиеся примеры из полевых интервью, характеризующие апотропейное использование пеленок и родительской одежды, имеющих как повседневную, так и ритуальную значимость. Со слов женщин первого и второго поколений, для включения новорожденного в семью и род имела значение первая пеленка из ношенной одежды⁸, например, отца или свекрови (с. 38–39, 70–71, 98, 105). Напротив, новая и чистая пеленка использовалась после первого ритуального погружения в воду (в купель или таз), называемого иногда купанием «в трех банях», а также во время обряда крещения (с. 91–92). Бережной была материнская одежда, которую, например, выдают девочке-няньке (пестунье) для присмотра за ребенком в качестве платы за ее труд (с. 108–109).

При интерпретации отдельных явлений и сюжетов авторы привлекают аналогии из классических работ, но не все они кажутся очевидными и последовательными. Так, образец южноамериканского шаманского песнопения Клода Леви-Стросса, иллюстрирующий нормализацию патологического течения родов с помощью метафорического и нарративного воздействия на роженицу [Леви-Стросс 1985, 165–179], возможно, более соответствует описанию фольклорных болезней и беспокойств, квалифицируемых авторами двухтомника как коммуникативный разлад (с. 156), нежели цитатам о табуировании беременности и родов (с. 52), в которых процесс схваток скрывается от окружающих из-за боязни сглаза, и поэтому метафорическое описание состояния начала родов имеет отличные от целительских цели. Собственно примеров вербального управления родами усилиями свекровей или повитух, аналогичного шаманскому песнопению, приведено не было. Ошеломляющий рассказ

о водичке с порога (с. 32), которую якобы дали роженице⁹, соотносим, на мой взгляд, с акциональным примером Клода Леви-Стросса, связанным с окровавленным комочком пушинок, который шаман выплевывает в присутствии больного для подтверждения победы над болезнью [Леви-Стросс 1985, 155].

Любое исследование в отдельных моментах открыто к дальнейшему углублению. В данном случае, например, анализ фольклорной болезни «щетинка» (с. 153–154) можно дополнительно обосновать, если применить теоретическую рамку, разработанную психиатром и медицинским антропологом Артуром Клейнманом в 1978 г., который предложил развести профессиональные и бытовые нарративы (и объяснительные модели) в отношении *disease* и *illness* [Kleinman 1978]. Социологи, акцентируя внимание на жизненном мире респондента, также оперируют классификацией «биологический и биографический планы заболевания», однако Эннмари Мол «отменяет» медицинскую и пациентскую перспективы болезни, заявляя о ее множественности, ситуативности, контекстуальности и сконструированности, чего в примерах показано, к сожалению, не было [Mol, 2002].

Новое издание Пропповского центра, безусловно, займет достойное место в ряду исследований, посвященных советскому материнству и детству, прежде всего в силу масштабности представленного корпуса полевого и архивного материала и системности его анализа. Важно также подчеркнуть, что, наряду с фольклористами, филологами, культурологами, антропологами, историками и краеведами, в этой публикации заинтересованы современные городские женщины и перинатальные специалисты. Исследования современного родовспоможения и материнства показывают, насколько существенен запрос городских образованных женщин, доул и акушерок на понимание дореволюционной и советской родильной

⁸ В настоящее время родительскую одежду также рекомендуют для приема ребенка после рождения, но в качестве обоснования приводят иные, отличные от приводимых фольклористами объяснительные модели, не связанные с апотропейскими функциями (например, для психического контакта и передачи микрофлоры кожи) [Полевые дневники и интервью, 2017–2022].

⁹ В цитате присутствуют некоторые сомнения информанта о связи воды с порогом и отсутствуют подробности ее изготовления повитухой.

обрядности и повседневности, а также на рецепцию экзотических ритуалов других народов. Российские женщины разыскивают авторитетных носителей индигенных родильных практик по всему миру и оплачивают обучение, «традиционное» сопровождение родов, «тихие роды», послеродовое повивание и «закрытие семи ключей», пеленание с мексиканским шарфом ребозо, «правки на зачатие», пестовальную гимнастику, массаж и банные процедуры, распространенные в разных культурных ареалах [ПМА; Кукса 2020, 2022]. Вероятно, медицинских, медийных, религиозных, литературных или семейных

представлений и нарративов о родах им оказывается недостаточно, поэтому, оставляя за скобками тему монетизации традиционности и вторичной фольклоризации, можно утверждать, что современные перинатальные специалисты и многие городские женщины нуждаются в традиционных объяснениях из действительно аутентичных фольклорных источников, подобных рецензируемому изданию, которые дополняют их научные и обывательские познания, а также повышают психическую готовность при столкновении с неизвестным, пугающим или неблагоприятным опытом родов и материнства.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора (дневники и интервью) 2017–2022 гг.

Леви-Стросс 1985 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985.

Исследования

Адоньева, Олсон-Остерман 2016 — *Адоньева С. Б., Олсон-Остерман Л.* Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: НЛЮ, 2016.

Белоусова 1999 — *Белоусова Е. А.* Представления и верования, связанные с рождением ребенка. Современная городская культура: Дис. ... канд. культурологии. М., 1999.

Белоусова 2003 — *Белоусова Е. А.* Родильный обряд // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 339–370.

Кукса 2020 — *Кукса Т. Л.* «Страшилки» для рожениц: конструирование и преодоление страха в родах // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 3. № 1–2. С. 166–187.

Христофорова 2010 — *Христофорова О. Б.* «Робячьи муки», или кувада по-верхокамски //

Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 11 (54). С. 279–287.

Kleinman 1978 — *Kleinman A.* Concepts and a model for the comparison of medical systems as cultural systems // *Social Science and Medicine*. 1978. № 12 (1). P. 85–93.

Kuksa 2022 — *Kuksa T.* Activism and Patient Vulnerability: Resistance to Medical Authority and Regulation in Russia // *Folklorica. Journal of the Slavic and East European Folklore Association*. 2022. Vol. 26. P. 1–33.

Mol 2002 — *Mol A.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham. London: Duke University Press, 2002.

Rouhier-Willoughby 2003 — *Rouhier-Willoughby J.* Russian Birth Customs: Ancient Traditions in Modern Guise // *Slavic and East European Journal*. 2003. Vol. 47. No. 2. P. 227–250.

Rouhier-Willoughby 2008 — *Rouhier-Willoughby J.* Village Values: Negotiating Identity, Gender, and Resistance in Urban Russian Life-Cycle Rituals. Bloomington: Slavica Publishers, 2008.

© Т. Л. Кукса, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кукса Т. Л. <https://orcid.org/0000-0002-8696-7284>

Начальник отдела реформирования законодательства Института государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; тел.: +7 (495) 772-95-90; аспирантка Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-00-19; e-mail: tkuksa@hse.ru

Practices of Maternity and Infant Care in the Northern Russian Village

Tat'yana L. Kuksa

(HSE University: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation;
N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Lenin av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Review of: Golubeva L. V., Kupriyanova S. O. (comp.). *Maternity in the Soviet Village: Rituals, Discourses, Practices*: In 2 vols. Vol. 1: Research. Vol. 2: Fragments of Interviews. Ed. by S. B. Adonyeva. St. Petersburg: The Propp Center, 2022. 320 p., 896 p.

Received: November 28, 2022.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Kuksa T. L. Practices of Maternity and Infant Care in the North Russian Village. Review of: Golubeva L. V., Kupriyanova S. O. (comp.). *Maternity in the Soviet Village: Rituals, Discourses, Practices*: In 2 vol. Vol. 1: Research. Vol. 2: Fragments of Interviews. Ed. by S. B. Adonyeva. St. Petersburg: The Propp Center, 2022. 320 p., 896 p. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 177–183. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.015>

References

Adonyeva S., Olson L. J. (2016). Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny [The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise]. Moscow: NLO. In Russian.

Belousova E. (1999). Predstavleniya i verovaniya, svyazannye s rozhdeniem rebenka. Sovremennaya gorodskaya kul'tura [Conceptions and Beliefs Related to Childbirth: Contemporary Urban Culture]. PhD dis. Moscow. In Russian.

Belousova E. (2003). Rodil'nyi obryad [The Childbirth Rite]. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Contemporary Urban Folklore]. Moscow. Pp. 339–369. In Russian.

Kleinman A. (1978) Concepts and a Model for the Comparison of Medical Systems as Cultural Systems. *Social Science and Medicine*. 1978. No. 12 (1). Pp. 85–93. In English.

Kuksa T. L. (2020) "Strashilki" dlya rozenits: konstruirovaniye i preodoleniye strakha v rodakh

["Horror Stories" for Women in Childbirth: Creating and Overcoming Fear in Childbirth]. *Fol'klor i antropologiya goroda* [Urban Folklore & Anthropology]. 2020. No. 3 (1–2). Pp. 166–187. In Russian.

Kuksa T. L. (2022) Activism and Patient Vulnerability: Resistance to Medical Authority and Regulation in Russia. *Folklorica. Journal of the Slavic and East European Folklore Association*. 2022. Vol. 26. Pp. 1–33. In English.

Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham. London: Duke University Press. In English.

Rouhier-Willoughby J. (2003) Russian Birth Customs: Ancient Traditions in Modern Guise. *Slavic and East European Journal*. 2003. No. 47 (2). Pp. 227–250. In English.

Rouhier-Willoughby J. (2008) *Village Values: Negotiating Identity, Gender, and Resistance in Urban Russian Life-Cycle Rituals*. Bloomington: Slavica Publishers. In English.

© T. L. Kuksa, 2022

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana L. Kuksa <https://orcid.org/0000-0002-8696-7284>

E-mail: tkuksa@hse.ru

Tel.: +7 (495) 772-95-90

20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Chair, Legislation Reform Department, Institute for Public Administration and Governance, HSE University

32a, Lenin av., Moscow, 119334, Russian Federation

PhD candidate, Center of Medical Anthropology, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (RAS)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)